

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

DOI 10.31029/vestdnc75/4

УДК 94(47.67)

ЧАСТНОЕ (МЮЛЬКОВОЕ) ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ГОРНЫХ ОБЩЕСТВАХ ДАГЕСТАНА В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.: ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ХАРАКТЕР, ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Б. Г. Алиев, ORCID: 0000-0001-8009-9087

Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН

Статья посвящена частному (мюльковому) землевладению в обществах Горного Дагестана, где в основном располагались союзы сельских общин. Поднимается несколько вопросов, связанных с особенностями возникновения частного (мюлькового) землевладения, его характером и тенденциями развития. Подчеркивается, что по вопросу о возникновении частного (мюлькового) землевладения среди ученых-историков имеются противоположные, взаимоисключающие друг друга мнения.

The article is devoted to private (mulk) land tenure in the Mountain Daghestan, where rural communities were mainly located. At the same time, several questions are raised related to peculiarities of the beginning of private (mulk) land tenure, its nature and development trends. It is emphasized that on the issue of the occurrence of private (Mulk) land tenure among historians there are opposite, mutually exclusive opinions.

Ключевые слова: частное (мюльковое) землевладение, период бронзы, террасные земли, община, М.А. Агларов, Ш.М. Ахмедов, право купли-продажи.

Keywords: private (mulk) land tenure, the Bronze Age, terraced lands, community, M.A. Aglarov, Sh.M. Akhmedov, the right to purchase and sale.

Из всех вопросов социально-экономического и политического развития любого общества наиболее важным является вопрос о земельно-правовых отношениях. В свою очередь, в этом общем вопросе основным является вопрос о принадлежности земли тем или иным классам, тем или иным сословным группам, что связано с формами собственности на землю, их возникновением, становлением и развитием. Поэтому представляется интересным проследить, как возникла та или иная форма собственности на землю и как она в дальнейшем развивалась, изменялась и приобретала тот или иной характер. В данном случае нас интересует частная (мюльковая) земельная собственность в горных обществах Дагестана: когда и как она возникла, как изменялась с развитием общества, какой характер носила в XVIII – первой половине XIX в. Поставленный вопрос интересен и тем, что о времени возникновения частного (мюлькового) землевладения в горных обществах Дагестана имеются разные, иногда диаметрально противоположные, взаимоисключающие мнения среди дагестанских исследователей.

Еще в дореволюционной историографии было распространено мнение об отсутствии у горцев Дагестана частной собственности на землю. Это было следствием того, что авторы трудов не учитывали многих факторов, не вникали в суть вопроса вообще, не разобрались в тех своеобразиях, которые возникали в землевладении в Дагестане в результате определенных естественно-географических, политических, хозяйственно-экономических и иных причин. Было распространено также мнение, что частной собственности на землю в Дагестане вообще не было вплоть до арабских завоеваний.

Нет необходимости останавливаться на этих неверных суждениях, так как они ничем не обоснованы. Более интересны мнения дагестанских ученых – археологов, историков и этнографов, занимавшихся вопросами земельных отношений в Дагестане непосредственно. Но и среди них нет единого мнения о времени возникновения частной земельной собственности в горных обществах Дагестана. Дагестанские археологи и этнографы придерживаются мнения о древнем происхождении частной (мюльковой) собственности на землю в Дагестане, в частности в его горной части, где было мало и даже крайне недостаточно пахотуодобных земель для ведения зернового хозяйства. Известный дагестанский археолог В.Г. Котович писал, что горцы Дагестана с «земельным голодом» в условиях неимоверно сильной пересеченности рельефа столкнулись еще в эпоху бронзы». Об этом же писал и известный дагестанский этнограф проф. М.А. Агларов [1; 2, с. 184]. И это соответствовало тому, о чем писал Ф. Энгельс, отмечавший, что в местах с суровыми горными условиями, «где к этому, так сказать, вынуждал характер местности: в тесных долинах ... или на узких плоских возвышенностях» и т.д., родовое пользование пахотной землей очень рано сменяется владением ею отдельными дворами, а в распоряжении общин остаются только невозделанные земли [3, с. 327–333].

В условиях отсутствия пахотуодобных земель жители гор искали выход, и нашли его в строительстве террас, превращая своим неимоверным трудом склоны гор в пригодные для земледелия участки. Причем, как доказано учеными, террасы строились индивидуальными семьями, а не коллективом родственников (тухумами) или общими силами общинников. Эта обработанная земля (террасы) и явилась основой появления частной земельной собственности в горах. Как писал известный американский историк и этнограф Льюис Генри Морган, обосновавший положение о развитии собственности от коллективных форм к частным и об эволюции семьи и брака от групповых к индивидуальным, «после того, как кто-нибудь обработал кусок земли, он имеет на нее личное право, которое может продать другому члену общины» [4, с. 321].

Время строительства террас и перехода их в собственность индивидуальных семей – это период развитого пашенного земледелия в горных районах (обществах), где именно поэтому стала ощущаться нехватка пригодных для этого земель, что и привело к необходимости создания искусственных полей и раннему становлению в Горном Дагестане террасного земледелия. «... Террасное земледелие, наивысшее аграрное достижение древнего населения в условиях горного рельефа – земледельческая система, сложившаяся в условиях, когда были исчерпаны ресурсы экстремальных форм» [2, с. 8]. Именно высокая экстенсивность земледелия привела к созданию террас. В этом плане примечательно, что Горный Дагестан является одним из древнейших мировых очагов террасного земледелия. Создание террас не было единовременным актом. «Создание искусственных земледельческих террас происходило постепенно в ходе длительной многовековой и целенаправленной обработки пологих склонов. Террасы – это «продукт постоянной обработки земледельцем одного и того же участка в течение длительного времени» [2, с. 184]. Террасы выглядели как гигантские лестницы, поднимающиеся по склонам гор и постепенно суживающиеся по мере увеличения крутизны склона.

Дагестан привлекал внимание выдающегося ученого акад. Н.И. Вавилова как один из центров не только зарождения земледелия, но и высокоинтенсивного горного террасного земледелия. «В Перу, Боливии и у нас, в Дагестане, – писал он, – можно видеть интенсивную террасную культуру, идеальное использование для культур рельефа и гор, максимальное использование каждой пяди земли для земледелия. Можно учиться умению рационально использовать каждый клочок ценной земли. В Дагестане ... можно видеть

изумительное террасное земледелие, расположенное многими десятками этажей применительно к рельефу, огромными амфитеатрами. Вряд ли можно лучше использовать землю, чем это делают в Горном Дагестане» [6, с. 80].

В связи с вопросом о террасном земледелии следует отметить главные три момента, которые как характерные особенности отмечены дагестанскими археологами и этнографами (В.Г. Котович, М.А. Агларов, М.Г. Гаджиев, Х.А. Амирханов). Это, во-первых, их возникновение в период средней бронзы; во-вторых, террасы – это в основном результат или плод труда и усилий небольшого коллектива, «они образовались не в результате единовременного приложения большого труда, а вследствие постоянной, многовековой и целенаправленной обработки пологих горных склонов» [7, с. 178]. И еще одно обстоятельство, о чем писал М.А. Агларов: «К террасированию полей прибегали не всюду и не везде, где горы и горное земледелие, а лишь в древних центрах мирового земледелия» [5, с. 9]. Одним из центров мирового земледелия, как мы уже говорили, и является Дагестан.

Именно раннее строительство террас и привело в обществах Горного Дагестана к раннему возникновению частного землевладения. Отмечая это, М.А. Агларов, опираясь на исследования дагестанских археологов и развивая их мысль далее в своих исследованиях, писал: «Есть утверждение (что очень вероятно), по которому рубежи первого и второго тысячелетий нашей эры могут считаться временем развития и сформировавшегося террасного земледелия» [2, с. 183]. Причем, по его мнению, это прежде всего относится к террасам с межевыми откосами, которые «встречаются ... в высокогорных, менее пересеченных зонах, местами классически выработанные, в результате длительной и интенсивной эксплуатации» [2, с. 183]. И далее он отмечал, что этот процесс строительства террас относится именно к эпохе бронзы: «Нужно, по всей вероятности, исходить из того, что эпоха бронзы с развитой земледельческой направленностью экономики может считаться временем начала становления террасного земледелия» [2, с. 184].

М.А. Агларов также отмечал, что «террасное поле в общем-то есть продукт постоянной обработки землевладельцев одного и того же участка в течение длительного времени», и это обусловлено тем, что на ранних этапах земледелия племена сталкивались с отсутствием возможности заниматься экстенсивным земледелием [2, с. 183].

Последствия возникновения частного землевладения не могли не сказаться на дальнейшем развитии общества, на изменениях в его структуре и положении общинников. Как отмечал М.А. Агларов, в результате сравнительно раннего становления частной собственности на террасные поля «было подорвано хозяйственное единство родовых коллективов, что должно было привести к окончательному крушению первобытно-общинных отношений». А это означало для Нагорного Дагестана переход от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности, который, по его мнению, завершился «ко времени становления террасного земледелия» [2, с. 188].

Невозможно не остановиться еще на двух высказываниях М.А. Агларова, так как они представляют большой интерес для исследования особенностей развития феодализма в Дагестане. Эти высказывания, или мнения, также являются логическим следствием из утверждения ученого о раннем становлении частной собственности на землю в Горном Дагестане. В частности, он писал: «В этом раннем становлении частной собственности на пахотную землю нужно искать своеобразие путей развития форм собственности в горных районах Аварии (и в других горных частях, заселенных дагестан-

скими народами. – Б.А.), и здесь же заключено различие путей генезиса феодализма в горах и на равнине» [2, с. 189].

И далее, на что М.А. Агларов обращает внимание и нацеливает исследователей, изучающих историю периода феодализма в Дагестане: «Раннее становление частной собственности рядовых общинников на пахотные земли по сути является основной причиной незрелости феодальных отношений в горах, ибо этот факт оказал, на наш взгляд, огромное противодействие утверждению классических форм феодализма в горах» [2, с. 189].

Необходимость довольно подробного анализа мнения М.А. Агларова о раннем становлении частной собственности на террасные земли в горных обществах Дагестана вызвана тем, что существует совершенно противоположное мнение о возникновении частной собственности у дагестанских горцев, высказанное одним из талантливых ученых-медиевистов Дагестана, рано ушедшим из жизни, Ш.М. Ахмедовым. Если, как было сказано выше, М.А. Агларов, опираясь на исследования дагестанских археологов, писал о раннем становлении в горных обществах Дагестана частной собственности, то Ш.М. Ахмедов утверждал, что частной собственности как таковой, со всеми присущими ей атрибутами, в Горном Дагестане практически не было даже в XVII–XVIII вв. В качестве главного аргумента отсутствия частной собственности в Горном Дагестане, и в частности в союзах сельских общин, в основном занимавших этот регион или естественно-географическую зону, Ш.М. Ахмедов выдвигал наличие в адатах горцев статей, запрещающих продажу земли (в какой бы форме она ни осуществлялась) вне пределов общины, а также права предпочтительной покупки продаваемой (отчуждаемой) земли родственниками ее хозяина.

Занимаясь исследованием социально-экономического развития Дагестана V–XI вв., Ш.М. Ахмедов писал, что в этот период отдельные хозяйства в дагестанской общине «большой частью состояли из малых семей, которые, видимо, могли свободно распоряжаться своим пахотным участком, местами ставшим к этому времени объектом отчуждения» [8, с. 26]. Однако, по его мнению, такой «порядок существовал только в тех общинах, которые находились в сфере влияния раннефеодальных государств», хотя не понятно, какие общества не входили в их состав. И далее, развивая свою мысль, он писал: «Другое дело в сельских общинах Горного Дагестана (ведь и они входили в состав феодальных владений: Серир, Шандан, Ал-Карах, Филан и т.д. – Б.А.). Здесь, – продолжает далее Ш.М. Ахмедов, – свободный общинник не везде мог свободно распоряжаться своим наследственным владением и только теоретически мог отчуждать свой пахотный участок, а на практике община сохранила за собой контроль не только над не поделенными угодьями, но и над пахотными участками своих общинников» [8, с. 26–27].

На основании наличия в адатах горных обществ ограничения купли-продажи недвижимости (в данном случае земли) Ш.М. Ахмедов делает вывод, что в X–XI вв. «сегментированная семейная община в подавляющих сельских общинах Дагестана продолжала рассматривать себя собственником всех земель, которые находились в наследственном пользовании отдельных малых семей» [8, с. 28]. И далее, характеризуя общину Горного Дагестана, он пишет, что «на той территории Дагестана, где впоследствии фигурировали так называемые «вольные общества», в исследуемое время (X–XI вв. – Б.А.) получил распространение несколько архаический тип общины, так называемая «земледельческая община». Характерным признаком этой общины является то, что она «сохранила пахотные участки в качестве неотчуждаемой и общей собственности всей общины» [8, с. 29]. По определению К. Маркса, «земледельческая община» повсюду представляет собой но-

вейший тип архаической общественной формации, и поэтому же в историческом движении Западной Европы, древней и современной, период земледельческой общины является переходным периодом от общей собственности к частной собственности, от первичной формации к формации вторичной» [9, с. 404].

Исходя из приведенных слов К. Маркса, Ш.М. Ахмедов считал, что в земледельческой общине пахотные участки сохранились «в качестве общей собственности всей общины». Но, как писал К. Маркс, одной из характерных черт земледельческой общины является общая собственность на землю, которая представляет «естественную основу коллективного производства и присвоения» [9, с. 407]. В набросках ответа на письмо В.И. Засулич К. Маркс отмечал, что необязательно характерное для стран Западной Европы переносить на другие страны. «Ее (земледельческой общины. – Б.А.) конституционная форма, – указывал он, – допускает такую альтернативу: либо заключающийся в ней элемент частной собственности одержит верх над элементом коллективным, либо последний одержит верх над первым. *Все зависит от исторической среды* (курсив наш. – Б.А.), в которой она находится ... а priority возможен и тот, и другой исход, но для каждого из них, очевидно, совершенно различная историческая среда» [9, с. 404–405].

Как было отмечено выше, именно среда обитания – природно-географические условия Горного Дагестана – способствовала в условиях малочисленности и отсутствия достаточных пахотудобных земель для дальнейшего расширения землевладения возникновению здесь частной собственности, о чем писали в своих исследованиях дагестанские археологи и этнографы, отмечавшие раннее возникновение частной собственности на террасные поля. В связи со сказанным уместно привести слова М.А. Агларова и Ш.М. Ахмедова о причинах развития феодализма в Дагестане. Если первый писал, что главной причиной незрелости феодальных отношений в Горном Дагестане являлось раннее становление частной собственности рядовых общинников на пахотные земли, то второй утверждал совершенно противоположное – что «длительное сохранение общественной собственности на землю является основной причиной незрелых социальных отношений в союзах сельских общин, отсутствия у них основных сословий феодального общества в рассматриваемое время (V–XI вв. – Б.А.), хотя в этих общинах широко представлены и богатые, и бедные» [8, с. 31].

Наличие богатых и бедных – это показатель наличия частной собственности на землю, так как богатые и бедные в условиях земледельческо-скотоводческого хозяйства могли появиться в результате потери земли одной частью членов общины и приобретения ее другой частью. Потеря земли в силу определенных причин одной частью общинников и приобретение ее другой частью и привело к появлению богатых и бедных. Это говорит о том, что в горных общинах уже было право отчуждения земли. Без наличия этого права общинник не мог распоряжаться своим земельным владением. И это показатель того, что общинник являлся хозяином своей земли и что она находилась в его собственности. Поэтому общинники, как собственники своих земельных участков, обладали правом отчуждения ее – продажи, передачи по наследству, завещания мечети или кому-либо, передачи в виде уплаты за кровомщение, обмена и т.д. Это есть полная частная собственность на землю. «Полная, свободная собственность на землю, – отмечал Ф. Энгельс, – означала не только возможность беспрепятственно и неограниченно владеть ею, но также и возможность отчуждать ее. Пока земля была собственностью рода, этой возможности не существовало. Но, когда новый землевладелец окончательно сбросил с себя оковы верховной собственности рода и племени, он порвал также узы, до сих пор неразрывно связываю-

щие его с землей» [10, с. 67]. Право отчуждения с юридической точки зрения является важнейшей составной частью права собственности. Этим правом на самом деле обладали жители горных общин Дагестана как мелкие частные собственники.

Однако сельская община и тухум как родственный коллектив, куда входили индивидуальные семьи – собственники земельных участков, даже в XVIII–XIX вв. все еще стремились ограничить право отчуждения, и главным образом продажу земли, «определенными традициями общинного землевладения, оберегавшими преимущественное право покупки общинной земли внутри общины» [11, с. 235]. Эти ограничения и нашли отражение в адатах горцев, на что указывал Ш.М. Ахмедов как на главный аргумент отсутствия частной собственности в горных обществах Дагестана.

Отметим, что право предпочтительной покупки и выкупа отчужденной земли и недвижимости вообще родственниками (или соседями), как право близости, не являлось исключительным явлением, характерным только для Дагестана. Оно существовало у сванов, в Византии еще в XIII–XIV вв., следы этого права сохранились в Хорватии еще в XV–XVI вв., в Индии в XIII–XVIII вв. и т.д. «Таким образом, – писал, исследуя социально-экономическое развитие Дагестана V–XI вв., но при этом используя адатно-правовые нормы XVII–XVIII вв., Ш.М. Ахмедов, – институт предпочтительной покупки ограничивал свободу распоряжения землей и препятствовал оформлению частной собственности на землю, которая поэтому в изучаемое время (имеется в виду V–XI вв. – Б.А.) не успела еще оформиться» [8, с. 29].

Однако право предпочтительной покупки и выкупа отчуждаемой земли – это лишь побочное право других членов общины, и прежде всего родственников, на чужую землю. Земля находилась в индивидуальной собственности, но в то же время (опять-таки согласно адатам горцев) на нее имели (или желали иметь) различные права другие члены общины, другие собственники. Это показатель того, что тухум как родственный коллектив все еще играл (или желал играть) определенную роль в имущественных отношениях. Как писал акад. Ю.В. Бромлей, «в условиях малоземелья (курсив наш. – Б.А.) родственный коллектив, имевший различные права на недвижимость каждой входящей в его состав семьи (большой или малой), естественно, не мог безразлично относиться к потере этих прав» [12, с. 383]. Поэтому и возник институт предпочтительной покупки отчуждаемой земли родственниками собственника земли (мюльковладельца), являвшийся показателем того, что купля-продажа недвижимости, и прежде всего земля, «перестала быть случайным явлением» [12, с. 172].

Однако в XVIII – первой половине XIX в., когда купля-продажа земли стала обычным явлением, в условиях имущественной дифференциации (см. выше – Ш.М. Ахмедов писал о наличии в горных обществах богатых и бедных еще раньше) право предпочтения являлось как показателем концентрации земель (как следствие наличия права купли-продажи земли и недвижимости вообще) в руках общинной знати, заинтересованной в запрещении продажи земли вне общины [13, с. 242], так и пережитком былой собственности родственного коллектива – тухума. В далеком прошлом, когда еще не было дифференциации в горных обществах Дагестана, право предпочтительной покупки земли являлось только следствием имущественных прав родственного коллектива. И в адатах, надо полагать, тогда не было статей, ограничивающих право пользования мюльком как частной земельной собственностью, так как в этом не было необходимости в условиях, когда имущественные права родственного коллектива не давали возможности его членам отчуждать землю на сторону. Когда же купля-продажа земли становится обычным явлением

нием, что было характерно в особенности для XVII – первой половины XIX в., происходит сосредоточение земель в руках отдельных членов общины, которые и были заинтересованы в запрете продажи земли чужим, так как при этом они имели возможность покупать отчужденные земли в своей общине, у своих односельчан, вынужденных в силу определенных причин продавать свои земельные участки. Тогда, очевидно, и принимаются адаты, фиксирующие право предпочтительной покупки и выкупа земли и запрещающие отчуждение земли вне своей общины.

В связи со сказанным нельзя не согласиться с существующим мнением, что община, ставя преграды для продажи земли чужаку, «ограждала свою территорию от отторжения ее части». Это было и причиной того, что «чужак не мог добиться членства общины, купив здесь участок, он должен был сначала добиться членства общины и только потом купить земли» [14, с. 86], ибо, как указывал К. Маркс, «предпосылкой для присвоения земель здесь продолжает оставаться членство в общине» [15, с. 466].

Несмотря на существующие адаты по запрету отчуждения в горных обществах Дагестана земли общинников, на практике дело обстояло совсем по-другому, и права те ученые, которые характеризуют мелкую земельную собственность в горных обществах Дагестана как частную, со всеми вытекающими из этого правами. «Главные их аргументы, – считает проф. А.Р. Магомедов, – состоят в том, что письменные и этнографические материалы дают нам достаточно примеров пользования, владения и распоряжения общинника своей землей, а названные правомочия и создают в совокупности право частной собственности (которые, конечно, есть юридическое отражение отношений частной собственности в самом определенном социально-экономическом смысле)» [16, с. 98].

На самом деле, на практике, несмотря на существующие адаты по ограничению отчуждения земли общинника вне общины, эти ограничения носили формальный характер, так как в повседневной жизни они не соблюдались. При желании общинник – хозяин земли продавал ее кому хотел – не только родственникам или односельчанам, но и представителям других сел – чужакам. И притом не везде адаты по ограничению права отчуждения были одинаковы. Если в адатах одних обществ имелись такие статьи, то в других их вообще не было, в третьих имелись статьи, разрешавшие продажу земли и вне общины, и чужаку. Наличие купли-продажи земли в горных обществах Дагестана хорошо иллюстрируют адаты Келебского и Цекубского обществ, селений Урахи, Усиша и т.д. [17, с. 75, 77, 96 и др.].

Подтверждали наличие права свободного распоряжения своей землей и представители многих горных обществ. Так, представители обществ Самурской долины показали в Южно-Дагестанской сословно-поземельной комиссии, что в прошлом своими «участками, мюльками своими как свободные поселяне, так равно и зависимые от беков всегда свободно распоряжались по своему усмотрению и *продавали кому хотели без ограничений и не спрашивая ни у кого на то разрешения* (курсив наш. – Б.А.) и что *они свободно продают свои участки земель и посторонним*» (курсив наш. – Б.А.) [18, с. 133, 146]. Аналогичные сведения имеются и по другим обществам – кюринцев, Гамринского магала и т.д.

В одном архивном документе, письме-просьбе императору жителей сел. Гагатль Чамалальского общества, говорится: «Одна третья часть земли селения Халты Чантинского участка являлась нашей собственностью *с давних времен путем купли нашими предками у жителя сел. Халты под именем Хасай*» (курсив наш. – Б.А.) [19, л. 9].

О возможности продажи общинниками Горного Дагестана своих земель и вне общины говорят и многочисленные примеры, показывающие наличие в разных селах земельных участков, проданных «чужакам» и переселенцам из других обществ.

Из всего сказанного следует, что уровень развития частного (мюлькового) землевладения в горных обществах Дагестана был не одинаковым. Если в одних ограничения все еще играли какую-то роль в отношении частного землевладения, то в других они являлись простой формальностью, фикцией. «Стремление же общины ограничить право отчуждения являлось желанием и заинтересованностью ее, а также общинной знати. Однако все это не меняло существа дела. Хозяин мюлька не формально, а на самом деле, в полном смысле слова, являлся его собственником. Хотя мюльк в какой-то мере выступает как институт, зависимый от общины, все же субъектом права собственности его являлась не община, а индивидуальная семья. Сельская община же, как субъект по отношению к мюльку, теряет свое значение с прекращением периодических переделов и переходом пахотной земли в собственность индивидуальных семей. Об этом говорит и сама возможность продажи участка, и тот факт, что продает в конечном счете не община, а частник, собственник земли. Сельская община имела на мюльк только косвенное право, которое заключалось в том, что она устанавливала общие для всех сроки посева, начала уборки сена и урожая, регламентировала пользование жнивьями, т.е. в какой-то мере регламентировала пользование частной землей как землевладением в отношении мюлька» [20, с. 133].

В XVIII–XIX вв. мюльк как частная земельная собственность в условиях наличия права купли-продажи имела тенденцию дробления и уменьшения, что и привело к дифференциации в горных обществах, начало которой уходит в предыдущие периоды. В отмеченное время дробление происходило быстрыми темпами, в результате чего в горных обществах появилось много обезземелившихся общинников, порою их численность доходила до 50–60 процентов. В то же время появился и слой многоземельных общинников, сосредоточивших в собственности различные земельные угодья, позволявшие им эксплуатировать рядовых общинников, в особенности тех, которые лишились своей земельной собственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Котович В.Г.* О причинах распада дагестанского этнокультурного единства (доклад, прочитанный на заседании сектора археологии и этнографии Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР 17 ноября 1962 г.). Из личного архива автора.
2. *Агларов М.А.* Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности у аварцев (до XX века) // Учен. зап. Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР. Махачкала, 1964. Т. XIII. Сер. историческая. С. 177–193.
3. *Энгельс Ф.* Марка // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 327–345.
4. *Морган Л.Г.* Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1935. 320 с.
5. *Агларов М.А.* Террасная система земледелия в зоне доместикации растений // Хозяйство народов Дагестана в XIX–XX вв. (Этнографические исследования). Махачкала, 1979. С. 7–19.
6. *Вавилов Н.И.* Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. 1936. № 2. С. 74–83.
7. *Гаджиев М.Г.* Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М.: Наука, 1971. 264 с.
8. *Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С.* Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970. 235 с.

9. *Маркс К.* наброски ответа на письма В.И. Засулич. – Первый набросок // *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 400–421.
10. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 23–178.
11. *Ашрафян К.З.* Аграрный строй Северной Индии (XIII – середина XVIII в.). М.: Наука, 1965. 328 с.
12. *Бромлей Ю.В.* Становление феодализма в Хорватии. М.: Наука, 1964. 408 с.
13. История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. 1. 431 с.
14. *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М.: Наука, 1988. 327 с.
15. *Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству // *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 1. С. 461–487.
16. *Магомедов А.Р.* Хозяйственная жизнь и социальный строй Нагорного Дагестана в XV–XVII вв. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1985. 142 с.
17. Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. : архивные материалы / сост., предисл. и примеч. *Х.-М. Хашаева.* М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1965. 268 с.
18. Феодальные отношения в Дагестане XIX – начала XX вв. : архивные материалы / сост., предисл. и примеч. *Х.-М. Хашаева.* М.: Наука, 1969. 396 с.
19. Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 380.
20. *Алиев Б.Г.* Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. (Экономика, земельные и социальные отношения, структура власти). Махачкала, 1999. 339 с.

Поступила в редакцию 22.07.2019 г.

Принята к печати 26.12.2019 г.